

Татьяна Веденская

Мой шикарный босс

«Автор»

2009

Веденская Т.

Мой шикарный босс / Т. Веденская — «Автор», 2009

Надя Митрофанова всегда была о себе невысокого мнения. Мечтами высоко к небесам не поднималась, довольствовалась скромной долей разведенной женщины с ребенком. Карьерные вершины ее не прельщали, да и не думала она, что обладает какими-то талантами. Даже в свою женскую привлекательность не верила. Почему так случилось? Может, в этом виноваты мужчины, которые были с нею рядом? Ну не замечали они ее достоинств, не ценили. Были заняты футболом, пивом, диваном... Только они ли виноваты? Не сама ли Надя выбрала для себя жизнь серой мышки? Кто мешал ей поверить в то, что она имеет право на лучшее? На интересного партнера. На высокооплачиваемую должность. На счастье. На настоящую любовь, наконец.

© Веденская Т., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Веденская

Мой шикарный босс

Часть первая

ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ

Глава 1

Сказка с плохим концом

Мой муж решил ко мне вернуться. Он, понимаете ли, решил! Как будто я его об этом просила-умоляла. Я фыркала от возмущения, перебирая в голове его слова. Он сказал это так, как будто перед этим долго думал, решался, прикидывал, что к чему. Ночей не спал, все голову ломал: вернуться или нет? И вот он звонит мне ни свет ни заря, сбивая меня с привычного утреннего графика. Обычно я к этому моменту успеваю проспать будильник, собраться бегом за пять минут, накраситься уже в машине, стоя в пробке на светофоре и т. д. А тут, вместо всего этого, он звонит, чтобы сообщить эту долгожданную новость. Он возвращается! Каково!

Впрочем, надо отдать ему должное, момент был выбран самый правильный. Все-таки он был неплохим стратегом, хоть это и не значит, что он не ошибался. Не ошибаются только те, кто ничего не делает, а он – делал. И, как следствие, ошибался. Но сейчас не об этом. А об его утреннем звонке одинокой женщине, живущей в постоянном противоречии со своим биологическим ритмом. По природе своей я «сова». Если б я слушалась только своего тела, вставала бы не раньше одиннадцати. Но вот уже много лет встаю ни свет ни заря, поэтому спозаранку практически ничего не соображаю. Естественно, мой муж об этом прекрасно знал и, пока я приходила в себя, прикурнув на телефоне, успел сказать мне все, что хотел.

– Надя, я виноват перед тобой. Но я уверен, что нам надо быть вместе. Я должен к тебе вернуться!

– Что? Это кто? – пробормотала я, разлепляя глаза. Зря, конечно, я не посмотрела, кто звонит. В любой другой час я бы бросила трубку сразу. Да что там, я бы вообще ее не взяла. А тут я была не в себе, и он, как всегда, этим воспользовался.

– Это твой муж, Кирилл! Соня ты моя, просыпайся. Я говорю, что нам надо быть вместе.

– Митрофанов, ты что, с ума сошел? Сколько времени? – зевая, возмутилась я. Смысл его слов только начал доходить до адресата – моего спящего сознания.

– Тебе пора на работу, – заметил бывший муж. – Так что просыпайся. И подумай, зачем тебе надо мучиться одной. Я уверен, ты хочешь меня вернуть.

– Что с тобой, заболел? – ехидно заметила я. – Или тебя мама плохо кормит? Только не рассказывай мне о своей вечной любви!

– Я понимаю, что это для тебя – полнейшая неожиданность. Но я говорю от всего сердца! – нежно произнес Кирилл голосом ангела.

Тут я действительно проснулась.

– Да что ты говоришь! – всплеснула я руками. – Неужели от всего сердца?

– Только не заводишь, – забеспокоился муж.

И не зря, потому что я все равно уже завелась. Хорошенькое дело, началась неделька. Вот, кажется, и голова разболелась! Все один к одному. Я заставила себя глубоко вдохнуть и выдохнуть, пытаясь не сорваться. Но, как всегда, с моим мужем этого не получилось. Меня понесло:

– Знаешь, что такое неожиданность?! Это когда ты приходишь домой, а там твой муж с голой бабой лежит в твоей кровати и бессмысленно улыбается. Вот это – да, полнейшая неожиданность. А твой звонок – просто глупость!

Я высказалась и бросила трубку на кровать. Потом взяла ее двумя пальцами, потому что у меня осталось странное ощущение, что телефон пропитался ядом. И отключила. Потому что мой Кирюшка – упорный и неленивый, когда ему что-то надо – обязательно перезвонит. Господи, ну почему я не могу пожить спокойно? Год назад я стояла в своей собственной квартире и ловила ртом воздух. Перед моими глазами предстала эта щемящая душу картина – мой нежно любимый муж и белобрысая кассирша из супермаркета, что возле нашего дома. Пережила я тогда все это очень тяжело. Тяжелее всего было научиться засыпать одной. Оказывается, значение имеет не качественный секс или нежные чувства, а привычка. Я так приспособилась к его храпу, что в непривычной тишине долго не могла сомкнуть глаз. А походы к друзьям, их сочувствующие взгляды? А вскапывание огорода без сильных мужских рук?! Да уж, его невинное увлечение кассиршей принесло мне так много проблем! И почему я не позвонила ему в тот день заранее? Надо было предупредить, что еду домой с обеда. А теперь – я до сих пор покупаю продукты в трех кварталах от дома, что тоже создает мне массу неудобств. И уж точно, раз я смогла все это пережить, то надеялась, что о Кирилле больше никогда не услышу. И вот на тебе, пожалуйста, – он решил вернуться!

– Мам, нам пора, – сунула нос в мою комнату Ника, моя пятнадцатилетняя дочь – девушка с весьма рациональным мышлением. Я дернулась и огляделась вокруг. В круговороте мыслей я совсем потерялась и не заметила, что время утекает, как песок сквозь пальцы.

– А который час?

– Ну, вообще! – взмахнула руками Ника. – Уже почти восемь, а ты в пижаме. Все, опять я опоздаю в школу. Сколько я могу врать, что у тебя машина не завелась?!

– Скажи, что в пробку попали, – отмахнулась я от дочери и побежала в ванную. Бодрый утренний марафон, сократившийся втрое из-за этого дурацкого звонка, на время выветрил из моей головы все ненужные мысли, я только и успевала, что одновременно чистить зубы, расчесывать волосы, сдирать с себя пижаму и нацеплять белье. Кофе я, конечно, выпить не успевала, а Ника сидела в прихожей полностью одетая, с портфелем в руках и монотонно причитала: «Мама, пошли, мама, пошли, мама, давай быстрее...»

– Иду! – выдохнула я, уже около лифта застегивая молнию на сапогах. Конечно, весной хочется надеть что-нибудь полегче, туфли, например, но наша московская весна в последнее время стала такой пасмурной и сырой, что до туфель было как до Парижу.

– Значит, так. У меня сегодня шесть уроков, но я приеду позже, потому что у нас назначили дополнительную репетицию в кружке, – привычно наставляла меня она.

– Ладно. Мне надо что-нибудь купить по дороге? – спросила я. За содержимым холодильника у нас следила Ника, а я восполняла понесенные потери. Такое у нас было распределение.

– Да, вот список, – кивнула Ника и добавила: – И не забудь поесть, пожалуйста!

– Знаешь, иногда мне кажется, что это как-то неправильно, – пожаловалась я. – Это должна была бы сказать я.

– Ага. Только не ешь китайской лапши, – как ни в чем не бывало добавила дочь, захлопывая дверь. И вдогонку прокричала: – И не кури много!

– Ладно, – обреченно кивнула я и махнула ей рукой на прощание.

Все-таки дети уже рождаются с определенным характером, иначе, при таком воспитании, должна была бы вырасти совсем другая девочка. Что ж, я очень рада, что она такая, какая есть. Должно же мне хоть в чем-то повезти, в конце концов!

Я улыбунулась и включилась в черепашую гонку. До офиса оставалось еще несколько светофоров. И один очень непростой поворот на МКАД¹.

Хотя я живу ближе всех к нашему бизнес-центру, к финишу я пришла последней, с опозданием примерно на двадцать минут. Не так плохо, как могло бы быть. Такие задержки всегда можно свалить на трафик. Правда, ездят в нем все, а задерживаюсь в основном только я. Ну и что? Зато я – весьма ценный работник, потому что умею нарезать колбасу, помидоры и огурцы ровными тонкими кружочками, что делает их очень удобной закуской.

Я оставила машину на нашей подземной стоянке (вот он, ощутимый плюс современных бизнес-центров!), села в лифт и поехала на наш, седьмой этаж. Из зеркала на меня смотрела невыспавшаяся, взъерошенная рыжеволосая женщина с грустными голубыми глазами. Кому-то, может, и идет худоба, а меня она делает похожей на побитого котенка. Хорошо, побитую кошку, ведь из возраста котенка я давно выросла.

– Опаздываете, – хищно улыбунулся мне наш охранник Гришка, – распишитесь.

– Пробки! – пожала я плечами и черкнула подпись в журнале.

Работа у Гришки сидячая, и единственное его развлечение – слежка за моральным обликом персонала, в этом ему помогал поделенный на шесть секторов экран видеонаблюдения. Если удавалось подсмотреть, как наш учредитель ковыряет в носу у подъезда, – Гришка был счастлив.

– И где ты только эти пробки находишь, – прищурился он.

Я подумала: а вот интересно, Гришка в свободное от работы время тоже приводит домой кассирш? Может, у них, у охранников, все одинаковое? Не только выражение лица? Кирилл охранял один солидный банк, расположенный в новом торговом центре. Во всяком случае, на момент нашего расставания он работал там. Может, сейчас он уже охраняет какой-нибудь склад. Как знать! В одном я уверена, что он по-прежнему сидит где-нибудь с бейджем на лацкане и дремлет в ожидании конца смены. Заниматься чем-то более сложным он бы никогда не стал. Как он сам часто говорил, лишь бы над ним не капало.

Я вбежала в нашу комнату, бросила сумку на свой стул и подскочила к Алене Епифанцевой, моей боевой подруге.

– Надька, ты чего, опять не спала? – встревожилась она. Еще бы, мои приступы бессонницы закончились всего несколько месяцев назад.

– Слушай, надо поговорить, – подмигнула я ей, и мы задними дворами пробрались в курилку. Там я долго ходила из стороны в сторону, выпуская клубы дыма, – нервничала.

– Да что случилось-то? – злилась Аленка, но не так-то просто было ей все объяснить.

– Мне позвонил Кирилл.

– Да что ты, вот мерзавец! – поддержала тему подруга, но я замотала головой.

– Ты понимаешь, дело ведь не в том, что он мне позвонил.

– А в чем?

– Мне кажется, он совершенно уверен, что я действительно его приму – и еще спасибо скажу. Да кто он такой, в конце концов? Неужели же он не понимает, что сам все разрушил! Я же теперь рядом с ним даже чай пить не могу! С чего он решил, что у него есть шанс меня вернуть?!

– А, ты об этом, – разочарованно протянула Алена. – Да что тут сложного? Ты ведь до сих пор одна. Уже год! Очереди из порядочных мужиков я возле тебя не видела.

– Ну и что, а может, я пока не готова к новым отношениям? Может, мне хорошо одной? – возмутилась я.

¹ МКАД – Московская кольцевая автомобильная дорога.

– Хорошо одной? То есть ты хочешь сказать, что если бы тебе попался приличный мужчина, ты бы послала его подальше со словами «я еще не готова»? Не смейся меня, но за весь год тебе встретился только Димка – шофер из отдела доставки. Да и тот – на корпоративе.

– Алена! – покраснела я.

– Что? Что Алена?!

– Ты же знаешь, я не люблю об этом вспоминать.

– Ну так и не вспоминай. А с Митрофановым вы все-таки прожили вместе пять лет. И не самые плохие пять лет, как мне кажется.

– Ну... в целом... он почти не пьет. Работает. Он, конечно, не весть что, но...

– И ты уверена, что действительно никогда не примешь его назад? Даже если придется навсегда остаться одной? Тебе тридцать четыре, у тебя дочь! Как ты думаешь, многим мужикам нужен такой геморрой? – с пристрастием спрашивала меня Алена. Просто гестапо в чистом виде.

Я почувствовала, как слезы наворачиваются на глаза.

– Я только-только научилась без него жить!

– Надь, пошли работать. Ты все равно сейчас ничего не решаешь. Пусть помучается. Подарки потаскает, в театр тебя пригласит. Цветы опять же. Но ты признайся себе, разве не об этом ты мечтала, когда ревела белугой от одиночества? Если нет, что ж, свобода – это тоже выбор.

– Да? – неуверенно посмотрела я на нее.

Мужчины приносили мне в жизни много разных проблем. Но свобода, она же – одиночество, была еще более сомнительна. О свободе хорошо мечтать, будучи глубоко замужем. А реальная свобода, воплощенная в идеально заправленной постели, в которой никогда никого, кроме тебя, нет, – удовольствие так себе.

– Самое ценное в человеке – это умение прощать. Особенно если это выгодно, – авторитетно заявила Алена. Она была профессионалом в вопросах выгоды. Красивая и циничная, казалось, она вертела мужиками с пеленок. И ее муж, тихий и покладистый, терпеливо сносил все ее взбрыкивания.

Я выбросила окурок, и мы пошли к нашим «повинностям». Мы обе служили менеджерами по продажам, а именно сидели в большом просторном зале, набитом такими же, как мы, менеджерами, и принимали приходящих клиентов, жаждущих приобрести оборудование. Наша фирма торговала компьютерами, принтерами, копирами, оргтехникой всех мастей, всем этим в целом виде и по запчастям. Две трети нашего здания были заняты складами, а мы продавали свое время за зарплату. И по восемь часов в день выписывали накладные, счета-фактуры и спецификации. Общались с клиентами по Интернету и решали разного рода текущие проблемы. В общем, мы были так заняты, что у нас не хватало времени на то, чтобы остановиться и понять, что все это – скука смертная. Но... что тут такого? Так живут все. Работа есть работа, а я должна была содержать семью. Теперь к тому же в одиночку. Хотя и раньше зарплаты Кирилла хватало разве что на квартплату и проезд. Зато над ним не капало!

– Внимание, все! – раздался вдруг громкий голос в офисных динамиках.

Я вынырнула из дебрей компьютерной автоматизированной базы данных, где вот уже десять минут тщетно пыталась найти забронированный товар. Бронь словно испарилась, а клиент сидел напротив и сверлил меня взглядом, как будто я лично умыкнула его мониторы.

– Через полчаса будет проведено экстренное совещание сотрудников отдела продаж. Явка обязательна. Прием клиентов будут осуществлять дежурные менеджеры.

– Что-что? – насторожилась я.

Экстренное совещание – это всегда что-то плохое. Компания у нас большая, а как она функционировала – никто не знал. Каждый вел свой маленький кусочек, а в целом никто ни за что не отвечал. Мы сами не всегда понимали до конца, как и что у нас работает. Естественно,

хватало недовольных клиентов и рассерженных поставщиков. Склады вообще делали все по-своему, и это постоянно не стыковалось с тем, что делали мы. Бухгалтерия же вообще занималась какими-то своими тайными махинациями, из-за которых требования к документации менялись чуть ли не каждый день, зачастую вместе с печатями наших меняющихся ООО. И вообще, руководство наше находилось в состоянии перманентного недовольства нами и собой, но наш «ковчег» как-то плыл по бурным водам бизнеса. До сегодняшнего дня. Что же произошло?

Мы с Аленкой переглянулись и перевели взгляд на старшего менеджера – Ольгу Хрюнину. Вдруг она что-то знает? Как правило, она всегда была в курсе всего раньше нашего директора. Но на ее лице была такая же паника, как и у остальных.

– Доигрались! – мрачно кивнула она и суетливо встала из-за стола. Растерянно окинула нас взглядом и ушла куда-то в сторону туалета.

– Серьезное дело, – опечалилась Аленка. – Ты видела, она оставила бумаги!

– Да уж, не к добру, – кивнула я.

Хрюнина страдала манией преследования, ей казалось, что параллельный отдел ворует у нее клиентов, так что все свои документы, даже черновики и обрывки счетов, она всегда запирала на ключ. Просто так она не могла об этом забыть. Нервничает. А если нервничает Хрюнина, то нам пора паниковать.

Работа, конечно, встала. Клиенты со страдальческими лицами сбивались в длинные очереди, а менеджеры набились в курилку и строили различные версии. Обсуждалось все: от наезда налоговой до введения новых штрафов за курение. Штрафы за курение у нас уже действовали, так что курили мы в строго определенное время – два раза в сутки. Остальные разы мы тихо дымили в туалетах.

– Они поставят датчики дыма! – предположил кто-то.

– И что, ради этого созывают совещание? – ехидничали остальные.

– Датчик дыма можно обмануть. Надо курить прямо в унитаз! И сразу спускать.

– Ага. Еще лучше вообще в него забраться.

– Они будут устраивать тесты на наличие алкоголя в крови, – грустно сказал Мишка, вечно выпивший, но очень толковый системный администратор. Он боролся с вирусами и зависаниями базы, но не мешал нам бродить по Интернету и общаться по «аске», за что все его очень уважали. И подмасливали, естественно, чем бог пошлет. Чаще всего это был армянский коньяк.

Что и говорить, ошибались мы все. Все-таки экстренные совещания – это вам не шутки, их ради лишнего датчика дыма не устраивают. Не успели мы все расположиться в большой переговорной комнате для дирекции, как из своего кабинета вышел наш директор и зло сказал:

– Кончилась ваша райская жизнь.

– Это какая такая жизнь? – обиделись мы.

– Продана фирма, все. Пойдете вы все строем на биржу труда, – продолжил директор. В голосе его звучало еле скрываемое злорадство. Что и говорить, наша «любовь» была взаимна. Он нас штрафовал, мы валили все беды и неудачи на него, а он при появлении учредителей бледнел и хватался за сердце. Гармония!

– Все? – ахнула одна девушка из параллельного отдела. Она год назад родила сына от начальника склада. Таким образом, вся ячейка общества работала в одном месте. Все яйца в одной корзине, так что биржа была им противопоказана. Впрочем, эта работа при всем ее идиотизме была нужна почти всем.

– Не знаю, это теперь не мое дело! Моя б воля, я б вас всех на стройку загнал, канавы копать. Бестолочи! – брызгал он ядом.

– Ой, боюсь, на биржу труда пойдет именно он, – шепнула мне Аленка.

Я хихикнула, но поперхнулась, наткнувшись взглядом на красную от злости Хрюнину.

– В общем, мне поручили сказать вам, что с завтрашнего дня у вас тут будет другое руководство. Оно и будет решать, что с вами делать, – устало закончил директор.

Аленка с победным видом посмотрела на меня.

– Что я говорила? Погнали его. Вот бы еще Хрюнину...

– Не радуйтесь тут! – снова завизжал он. – Не думайте, что вам позволят и дальше получать зарплату ни за что! Ваш новый директор, между прочим, в прошлом году был кризисным управляющим в ОАО «Лан-сервис». И первое, что он сделал, – это уволил половину персонала. Так что готовьтесь!

– Мы всегда готовы, – раздалось откуда-то с задних рядов. Ничто не могло испортить народу праздник. Наш директор остался без работы. Что может быть лучше? Даже если при этом пострадают невинные, зато зло определенно наказано. Возмездие настигло своего героя.

По окончании совещания народ шатался по офису, как стадо, потерявшее пастуха. Кто-то уже побежал в магазин, а кому-то все еще приходилось общаться с клиентами, но, так или иначе, мысли каждого были далеко. Волна увольнений, как цунами, уже сформировалась и летела по океану, грозя обрушиться на наши головы уже в ближайшие несколько часов.

– Меня не тронут! Я отлично справлялась! – занималась самомедитацией Хрюнина, перебирая бумаги на своем столе.

– Это нужно будет еще как-нибудь доказать, – ехидно заметила Алена.

Но Хрюнину, скорее всего, оставят, однако как же она достала всех своим перфекционизмом! Великолепная Хрюнина без единой опечатки за все время преданной службы. Какой кошмар.

– Это верно, верно, – пробормотала та и уставилась в компьютер, выискивая, что бы такое предъявить новому начальству. Я не сомневаюсь, что у нее найдется пара прекрасных отчетов. А вот у меня дело было швах: кучи мелких клиентов, прибыли от которых три копейки, и несколько крупных рыб, которые брали все в кредит и с большим скрипом его возвращали. И, конечно, груды документов – таких необходимых и таких заброшенных.

– Надо запаролить файлы! – воскликнула вдруг Хрюнина, нещадно стуча по клавиатуре.

– Зачем? – удивились мы.

– Знаю я этих, – она кивнула в сторону соседнего отдела. – Спят и видят мои клиентские файлы стырить.

– Мания преследования! – вздохнула Аленка. – Кому нужны твои файлы, они же в них не разберутся.

– Промышленный шпионаж – не слыхала такого слова? – нахмурилась Ольга. – Кто как хочет, а я ставлю пароль. Береженого бог бережет.

– Ну-ну, – хмыкнула Аленка.

Мы перемигнулись и пошли курить. Нам надо было обсудить план действий. В конце концов, от того, что мы лишний раз перекурим, ничего не поменяется. Завтра, может, придется вообще бросать курить. И пить. И есть. Если я потеряю работу, просто ума не приложу, как буду выживать.

– Вот видишь, беда не ходит одна! – сказала я, махнув рукой в сторону воображаемой беды. – Стоило позвонить Кириллу, и вуаля – я стою уже практически на грани увольнения! Мужчины всегда приносили мне одни несчастья.

– Меня-то точно не уволят! – заверила меня Аленка, приподняв ладонями грудь. Да, что и говорить, ей опасность грозит в последнюю очередь. Если только наш новый директор – не женщина. – Вот лишь бы отпуск мой не накрылся.

– Как ты думаешь, какой он? – спросила я.

– Кто?

– Ну, этот – управляющий.

– Слушай, я же не телепат. Завтра все узнаем. Только ты уж постарайся приехать вовремя, – посоветовала Аленка.

Я кивнула и подумала, что надо будет завести будильник не только в телефоне, но и в телевизоре. Чтобы уж точно проснуться. Потом я подумала, что надо будет сегодня тогда пораньше лечь, чтобы не проспать. Потом я вспомнила, что завтра у Ники спектакль, ради которого сегодня они там репетируют, и подумала, что придется отпрашиваться, чтобы на него успеть. А у кого отпрашиваться теперь – непонятно. Ладно, утро вечера мудренее, так что будем решать проблемы по мере их поступления.

Я вздохнула и выключила компьютер. Все отчеты я сделать все равно не успею.

Глава 2

«Формула-1». Московская версия

Интересно, почему так случается, что временами меня охватывает необъяснимая лень? Даже не лень, а какая-то вялая апатия, в процессе которой мне кажется сложным даже переключить каналы «ящика». Странно, не правда ли, что энергия не носит некий усредненный характер? Если бы все определялось только формулой «выспался, правильно питался, делал физкультуру – получай запас энергии». Хотя кому я заливаю? Какая физкультура, если никаких других упражнений, кроме подпрыгиваний на водительском сиденье в такт музыке, я не практикую. Ну а про правильное питание я вообще молчу. Из еды я люблю только кофе и сигареты – самый эффективный способ похудеть, если вам надо худеть. Мне – не надо. Стало быть, нет ничего удивительного в том, что я испытываю периодически упадок сил. Но ведь иногда же я получаю и прилив. Это как объяснить? Может, они что-то иногда добавляют в кофе вместе с ароматизаторами? Или в сигареты что-то подсыпают?

В этот раз, во вторник утром, мой кофе, как и мои сигареты, оказался совершенно пустым. Я выпила две чашки, но мой мозг так и не проснулся. Мне хотелось свернуться калачиком под одеялом и отключиться на весь день. Включить какой-нибудь бессмысленный тупой сериал, слизанный нашими по американской лицензии двадцатилетней давности, и забыться. Но новое руководство – этот дамоклов меч уже был занесен над моей головой, и я встала на час раньше, чтобы привести себя в порядок.

– Чего сидишь? – полюбопытствовала бодрая Ника. Не понимаю, как ей это удастся – всегда быть бодрой по утрам. Эх, молодость, молодость.

– Не видишь, кофе пью, – огрызнулась я.

– Ты бы лучше чего-нибудь съела! – посоветовала она, забирая у меня из рук дымящийся окурок и гася его.

– Не хочется что-то! – Я отвернулась к окошку.

Но Ника была непреклонна:

– Иди и выбери, что ты съешь на завтрак. Руководство должно хотя бы в первый день увидеть у тебя на щеках румянец!

– Я его нарисую, – буркнула я и поплелась к холодильнику.

Чего же я хочу? Может, кусок сыру? Или бутерброд с колбасой? Больше всего я хочу, чтобы поскорее наступила пятница, если честно.

– Съешь хотя бы глазированный сырок! – крикнула из комнаты Ника.

Я захлопнула холодильник. Откуда она всегда знает, о чем я думаю? В конце концов, ей всего пятнадцать – это я должна учить ее жизни. Я могла бы составить отличную проповедь. Такую, как моя мамочка выдавала мне в юности! Да что там, всю мою жизнь!

Воспоминания о мамочке испортили настроение окончательно. Сегодня же вторник, а по вторникам и четвергам я после работы всегда заезжала к ней, чтобы получить порцию ее раздражения и упреков, а заодно убраться в квартире, привезти лекарства и продукты. Мама вот уже пару лет совсем перестала выходить из дома. Гуляет на балконе и копит колкости, которыми осыпает меня при встрече.

– Как ты себя чувствуешь, мамочка?

– Как может чувствовать себя человек, которого все забыли? Если даже родной дочери на меня наплевать. И не делай вид, что тебе это интересно! Я знаю, ты ходишь ко мне из-за наследства. Так бы ты и пальцем не пошевелила!

Это еще одна из невинных наших с ней бесед. Разминка, так сказать. При ее изобретательности никогда нельзя было сказать точно, как именно она заденет меня, чтобы сделать больней. Одно определенно: заденет обязательно. А поскольку кто, как не мать, лучше всех

знает своих детей, она всегда точно знала, как ударить без промаха. Я одним глотком допила остатки кофе и крикнула:

– Ника, тебе придется самой пойти в школу. Я заеду к бабушке с утра, вечером же спектакль!

– До автобуса довезешь?

– Ладно! – кивнула я и обреченно набрала номер. – Алло, мам? Это я.

– Надь, ты, что ль? С ума сошла, я всю ночь не спала, только под утро заснула, и вот! Теперь буду разбитая весь день, – молниеносно среагировала моя драгоценная мамуля.

– Прости. Я вечером не смогу к тебе заехать, – начала объясняться я.

– Конечно, я все понимаю. У тебя дела. Опять какие-нибудь мужики! А что мать больная тут без еды сидит – тебе все равно? И это называется – дочь.

– Мама!

– Что? У меня, между прочим, давление.

– Мама, ты меня не дослушала, – продолжила я, стараясь ее перекричать. – Я заеду к тебе перед работой. Завезу лекарства, я их еще в субботу купила. Только мне надо будет сразу уйти. Ладно?

– Можно подумать, я тебя когда-нибудь держала! – фыркнула мать.

– Ну, конечно, нет, – кивнула я и вышла из квартиры, держа трубку ухом.

– Ты вечно норовишь сразу убежать, никогда с тобой даже чаю нельзя попить.

– Мам, не слопай меня всю сразу. Оставь хоть кусочек! – взмолилась я и запрыгнула к Нике в лифт. Там, слава всевышнему, телефон не ловит, так что наш бессмысленный диалог оборвался. По уважительной причине, между прочим. Потому что прервать разговор с мамой можно только двумя способами – попасть вне зоны доступа сети или в ярости расколошматить телефон о ближайшую стену. Третьего не дано.

– Бабушка в ударе? – подняла бровь дочка.

– Не то слово, – задумчиво кивнула я.

Время стремительно сокращалось. Высадив Нику на остановке, я ускорила, насколько только это было возможно в наших суровых московских реалиях. Хорошо еще, что я и жила, и работала в одном и том же округе – наш офис располагался на МКАДе, мамин дом недалеко от него на Северной Бутовской стороне. Моя квартира располагалась в самой дальней части Южного Бутова. Как мы – коренные жители с Таганской – оказались в этих... м-м-м... дальних краях, если быть вежливой, – отдельная история. Впрочем, сейчас наше Бутово совсем не то, что было во времена нашего размена. Тогда это были одиноко торчащие в чистом поле новостройки без всяких признаков инфраструктуры.

Именно из-за этого переезда мне пришлось сесть за руль. Сначала это был руль «Жигулей»-«пятерки», машины, из-за которой я почти дошла до самоубийства. Поэтому мой папочка, который тогда еще был жив, как-то умудрился что-то продать, что-то занять, но обменял эту машину-убийцу на старенький «Фольксваген Гольф». До меня этот автомобиль сменил нескольких хозяев, не все из которых были, по-видимому, нормальными людьми. Кто-то, например, за свой счет поставил на моем «Гольфе» ксеноновые фары китайского производства, так они в дождливую погоду переставали гореть совсем. А в других случаях – как пойдет. Обычно горела одна из двух фар, хотя случалось, что и обе. По большим праздникам.

– И как мне это починить? – По молодости я еще пыталась все исправить.

– Ксенон? – ухмыльнулся мастер. – Кто ж яго чинить? Яго миняють!

– Совсем?

– Угу. На новый. Восемьсот баксов як з куста, – ласково сообщил он. В общем, с тех пор я стараюсь дождливыми вечерами не ездить там, где нужно мощное собственное освещение. Спасибо властям, в Москве таких мест почти не осталось.

Около маминого дома, как и всегда, припарковаться было совершенно негде. Зачем строить так много домов, чтобы потом к ним невозможно было подъехать? Вопрос без ответа, на который я потратила еще десять минут своего драгоценного времени, пока нашла место для парковки. Остальные, похоже, решили устроить себе выходной.

– Здравствуй, мама! – широко улыбнулась я, снимая сапоги.

– Ну вот. Наследила, – мама шурилась, вглядываясь в то место, где я только что стояла.

– Я вытру, – успокоила я ее. И боком проскочила в большую комнату, чтобы сразу поставить лекарства по местам. Сегодня мне действительно никак нельзя было задерживаться, меня ждала судьбоносная встреча с новым руководством. А вдруг оно – руководство – окажется пунктуальным? Сейчас у меня еще был шанс попасть на службу вовремя, но, если включиться в родственный диалог, шансов не будет.

– Что ты купила? Это же маленькая упаковка, – потихоньку заводилась мать.

– Больших не было. Я купила две. – Я пулей протирала пыль и проверяла холодильник на предмет уже просроченной еды.

– А почему ты не сможешь прийти вечером?

– У Ники спектакль в театральной студии, я еще полгода назад обещала на него прийти.

– Значит, ты будешь развлекаться, оставив мать в одиночестве? – трагическим голосом подвела итог мама.

Я еще быстрее принялась исполнять обязательную уборочную программу.

– Я не буду развлекаться. Я буду помогать ставить декорации.

– Я сто раз тебе говорила, что Ника должна немедленно оставить этот вертеп. Ты что, и вправду хочешь сделать из нее актрисульку?

– Мама, не начинай. Это просто школьный театр! – невольно отреагировала я.

И тут, моментально почувствовав слабинку, мама приступила к основному блюду.

– Я вот тоже думала, что ты просто ходишь на подготовительные курсы в институт. И чем это кончилось? Я тебе говорю, надо Нику дома держать. Дочь должна расти тихой, послушной. Пусть сидит дома.

– Мама!

– Что – мама? Или ты хочешь, чтобы она тоже принесла в подоле, как ты?

– Мама, я не принесла в подоле. Мама, это же ты не захотела, чтобы мы с Леной поженились!

– Еще бы, где ты только его взяла, этого прохвоста?! Как там называется его деревня? Гадюкино?

– Жаворонково, между прочим! – возмутилась я.

– Тот еще соловей, – удовлетворенно кивнула мама.

Она обожала вспоминать в деталях подробности моей первой большой и серьезной любви, закончившейся трагически. Я влюбилась в Леонида, потому что он лучше всех в общении нашего института умел рассказывать анекдоты. В институт я так и не поступила тогда, зато родилась Ника. Мы жили тогда все вместе, на Таганке. И вот как-то раз, после очередного диспута с моей мамочкой, в порыве безумия Леня со словами «может, хоть это вас заткнет» поднял мамулю на руки и попытался высадить ею окно. Окно не поддалось, всех травм была только Ленина же расцарапанная физиономия, но, естественно, была милиция, визги, слезы и обещание не подавать заявления, если только мы все больше никогда его не увидим. Да, жизнь в нашем доме до разъезда была весела и насыщена.

В общем и целом Леонид выполнил свое обещание. С тех пор, как Нике исполнилось полтора года, мы о нем не слышали. Ни о нем, ни об алиментах, естественно. Но мама хранила память о Ленечке, как драгоценный сосуд, из которого время от времени отпивала, наслаждаясь ароматом и букетом взрослого вина.

На работу я опоздала. Когда мама ловит меня на крючок, время скручивается в спираль и образует провалы. Я выскочила из маминого подъезда на полчаса позже намеченного, хотя казалось, мы говорили не больше минуты.

– Черт, черт, черт! – кусала я губы, пытаясь объехать пробку из машин, стоящих в унылой очереди на въезд в Москву. Да, им не позавидуешь, ведь пересечение поста ДПС – это только начало сказки. Дальше идет Варшавка – шоссе, на котором человек пеший легко побеждает моторизованного кентавра. А ведь есть еще ТТК², есть стоящие намертво развязки. Да мало ли! Радовало, что мне-то надо было продраться через них только до маленького поворота в область и выйти на МКАД. Офис манил своей близостью.

У меня зазвонил телефон. Я снова схватила его, не глядя, и уже приготовилась к тому, что оттуда на меня набросится Кирилл. Но это была всего лишь Аленка.

– Где тебя носит?! Совсем с ума сошла?

– Ален, я еду, очень быстро еду. Как там, что? Скажи, что я в пробку страшную попала!

– Ага. Я скоро закажу бронзовую табличку с надписью «Она в пробке». У тебя клиенты.

– А их как занесло? – удивилась я.

– Ветром надуло! – в ярости зашипела Алена. – Давай, хоть по тротуару. Начальства еще нет, но говорят, что оно вот-вот будет.

– Лады, – пискнула я и, зажмурившись (почти), втиснулась в поворот, чуть не задев большую тупую фуру, которая решила просто жить на этом повороте. Чудеса ловкости, но в поворот я вписалась. До работы оставалась всего пара километров. Я нажала педаль, миновала кусочек МКАДа, свернула на боковую дорогу. Победа была уже в моих руках. Но передо мной на скорости 40 км/ч тархтел новенький «БМВ».

– Что он делает? – удивилась я. Обычно такие тачки везде ездят 120 – даже там, где это технически невозможно. Они везде просто летают. Эта же плелась по почти пустой дороге со скоростью гужевой повозки. Я попыталась ее объехать, но дорожка была однополосной, а по встречной в Москву ехали другие машины, которые тоже были не прочь поехать по встречной.

– Ну пропусти же ты! – причитала я, а «БМВ», словно издеваясь, еще и притормаживал перед «лежачими полицейскими» так, словно действительно боялся ненароком переехать их насмерть. Тогда я повисла на хвосте дурацкой тачки, мигая фарами дальнего света. Из-за нее я буду на работу ехать еще полчаса! Что за сволочь! Наверное, купил любовник какой-то дамочке машину, вот она и учится водить. Как же ее обойти?

На мои помигивания реакция была нулевая. Я озверела. Что ж это за день такой? Мама набросилась, на работу опоздала, уволить могут в любую минуту.

– Посторонись! – сжала зубы я и повернула руль вправо. Там, на довольно коротком участке, была широкая обочина, так что я, проехав по луже, умудрилась все-таки обогнать дурацкий седан, оставив за собой грязные брызги. И почему у нас такая сырая весна?

– С ума сошла?! – послышалось мне вслед. Хотя разве могла я расслышать что-то в дорожном шуме? Показалось.

Я посмотрела в зеркало заднего вида. За рулем «БМВ» с телефоном в руке сидел ухоженного вида мужик с ошеломленным лицом. По его лобовому стеклу бешено скакали дворники, стирая грязь.

– Ничего личного, только бизнес, – ухмыльнулась я. Будет теперь знать, как вставать между мной и моей любовью к труду.

На всякий случай я свернула на соседнюю улицу. А то вдруг он примется за мной гнаться? Но он спокойно проехал мимо и скрылся. Вот это нервы. Вот это я понимаю, не то что моя мамочка.

² ТТК – Третье транспортное кольцо в Москве.

До офиса я долетела за три минуты, припарковала машину на первом попавшемся месте и побежала через гараж в офис с одной-единственной мыслью – ну скажите, что все было не напрасно. В конце концов, обычно я не подрезаю на дорогах людей. Вот до чего доводит трудоголизм! Ну скажите мне, что я успела. Успела?

– Да, – зло кивнула Аленка, около которой столпилась кучка народу. – Их еще нет. Давай-ка теперь выпиши-ка им всем по фактуре.

– Не вопрос, – с готовностью кивнула я и окунулась с головой в работу. Мой план заключался в том, чтобы в тот момент, когда благословенное и почитаемое НОВОЕ РУКОВОДСТВО войдет в стены нашего отдела, у меня бы было измотанное, но благожелательное, вспотевшее лицо ОЧЕНЬ ЦЕННОГО СОТРУДНИКА, беспрестанно занятого ДЕЛОМ. Я носилась электровеником от принтера к компьютеру и обратно, а весьма довольные клиенты (которых еще потом придется отучать от дурной привычки получать все без очереди) посматривали друг на друга и улыбались. Даже Хрюнина, глядя на меня, фыркнула и пожалала плечами:

– Неужели ты думаешь, что тебе что-то поможет?

– Не поможет, так хоть согреюсь, – отбрила я ее. В конце концов, чем я хуже остальных бездельников отдела продаж? Печатать умею, распечатывать тоже. Прямых жалоб и требований уволить меня не было, чего, кстати, не сказать о самой Хрюниной. Она работала столь идеально, что порой страшно бесила не только нас, но и посетителей, которым тоже не спускала ни малейшей оплошности типа забытой дома доверенности. В общем, я вертелась и даже уже начала получать некоторое извращенное удовольствие, поглядывая на себя со стороны – такую деловую, такую скорую и профессиональную, с такими красивыми рыжими волосами, которые я изящно смахивала, если они закрывали мне глаза. И вот тут... оно и случилось.

– Надька, смотри... это он, – сдавленно прошипела Аленка, вцепившись мне в руку.

На миг все в нашем офисе замерло. Даже воздух стал струиться как-то медленно, натужно. Словно в эту секунду стал гуще. Сотрудники замерли, будто все, не сговариваясь, застыли в форме морской фигуры. Повисла напряженная тишина, вокруг образовалась зона невесомости – если оттолкнуться от пола, так и полетишь кувырком к потолку. Медленно, медленно и беззвучно... Посреди всего этого недвижимого великолепия шел ОН – плавной походкой бенгальского тигра – уверенный в себе, в накрахмаленной светлой рубашке, светлом деловом костюме, все еще разговаривая по телефону... да, это был ОН. Я почувствовала, как кровь бросилась мне в лицо.

– Это отдел продаж? – оторвавшись от телефона, сияющий хищник скользнул по нас взглядом.

– Да, – петушиным голосом выкрикнула Хрюнина.

– Зайдите в бухгалтерию, скажите, пусть принесут в дирекцию все личные дела, – добавил он и снова поднес к уху телефон какой-то редкой, не продаваемой у нас в России модели. Результат срачивания телефона, компьютера, навигатора и магнитолы.

– Конечно, – пискнула Ольга и моментально пошла пятнами.

– Вас как зовут? – еще раз оторвавшись от разговора, поинтересовался он.

– Я – Хрюнина! – тоненьким голосом сообщила она. Если бы я не была столь уверена в ее почтенном (она была более чем ягодка опять) возрасте, я могла бы предположить, что у нее переходный возраст и ломается голос.

– А имя? Как вас зовут? – чуть заметно улыбнулся ОН.

– Я старший менеджер, меня зовут Ольга Хрюнина, – пробасила Хрюнина. Определенно, не всякая выдержит рядом с такой акулой бизнеса. Да еще если она (акула) пронзает вас холодным насмешливым взглядом из-за очков. Лично по мне, все могло бы быть не так плохо, если бы ОН так и не посмотрел в мою сторону. Я уже не изображала бурной деятельности, а старательно пыталась слиться с собственным рабочим местом. Как хамелеон.

– Очень хорошо. Вот вы, Ольга, раз вы СТАРШИЙ менеджер, и проследите за личными делами, о'кей?

– О'кей, – одними губами произнесла она.

– Меня зовут Станислав Сергеевич Шувалов. С сегодняшнего дня я буду вашим директором.

– Очень приятно, – нестройно пронеслось по рядам.

Новый начальник, прищурившись, взгляделся в толпу. Потом кивнул и продолжил:

– Если у кого-то есть вопросы или предложения, дождитесь, пока я вас к себе вызову. Диалог будет с каждым. Даже с теми, кому придется покинуть эти стены.

– В смысле? – пропищал кто-то с галерки.

Воцарилась тишина.

– Не буду скрывать – штат тут у вас раздут, эффективность работы крайне низкая. Останутся только те, кто соответствует занимаемой должности. Это понятно? – спросил Шувалов красивым, хорошо поставленным голосом. И хищно улыбнулся.

– Понятно! – ответил ему грустный хор. Тучи сгустились.

– Удачного дня, – кивнул Шувалов и уверенной походкой пошел прочь. Такие, как он, наверное, уже рождаются в должности руководителя роддома и дальше просто меняют точку приложения своего начальственного таланта. Садик, школа, институт – и везде перед ними все вытягиваются по линейке и рассчитываются по порядку. Я же смогла чуть-чуть выдохнуть уже давно пришедший в негодность воздух только после того, как ОН – Станислав Сергеевич Шувалов – благополучно отбыл в сторону дирекции.

– Вот это да! – в изумлении прошептала Аленка. – Железный Феликс собственной персоной. Плакал мой отпуск. А мы уже тур оплатили, идиоты!

– Тур твой – ерунда, а вот я погибла, – запричитала я.

Аленка посмотрела на меня с непониманием.

– О чем ты? Может, он тебя и не уволит. У нас показатели не хуже, чем у других.

– Да не в этом дело, – кусала я губы.

– Тогда почему? Вечно ты придумашь, – разозлилась она.

Тут я уронила голову на ладони и застыла в немых рыданиях.

– Понимаешь, я так утром спешила, так спешила...

– И что?

– А то, что я подрезала и обогнала черный «БМВ». И к тому же облила его грязью из лужи.

– И? – замерла подруга.

– А то, что этот вот самый Шувалов и был за рулем!

Аленка открыла рот в немом изумлении.

– Да! Я идиотка, но откуда я могла знать, что это он? – сумбурно объяснялась я.

– Да ты что? И что, он тебя видел? – пришла наконец она в себя.

– Конечно, видел! И даже крикнул мне вслед, что я сошла с ума!

– Ну, дела.

– Я точно сошла с ума. Разве можно было так обгонять. Эх, а разве можно было так подрезать! Говорила мне мама, что я вожу безобразно.

– Твоя мама тебе все, что можно, говорила. Если ей верить, тебя еще при рождении надо было сбросить с Останкинской башни, да она тебя пожалела.

– Может, и зря! – всхлипывала я. – Сейчас бы не было проблем.

– То-то я смотрю, ты как-то вдруг поползла под стол. Слушай, а может, он тебя не узнал? – предположила подруга.

Я задумалась.

– Знаешь, это возможно. Стекла у меня тонированные, – старательно прикидывала я. – Сбоку он действительно мог меня не разглядеть.

– Вот видишь, все не так плохо! Все обойдется. А что, ты сильно его облила?

– Весь бок и половину лобового стекла. Понимаешь, там, на обочине, лужа была очень уж глубокая.

– Дура ты, дура! Хорошо хоть, ты ему своими сумасшедшими фарами не светила.

Я выразительно замолчала.

– Что? Светила? – прикрыла рот ладонью Аленка.

– А что я должна была делать? Он не давал мне проехать на работу. Плелся со скоростью велосипеда! – защищалась я.

Аленка смотрела на меня с сожалением.

– Если он не узнал тебя, то рано или поздно узнает твою машину. Такое не забывается.

– Это точно. Мой трактор только слепой не запомнит.

– Может, тебе пока начать ходить на работу пешком? Оставлять машину в двух кварталах? – предложила подруга.

Я сидела и честно предавалась панике. Мои дни работы в этой фирме были сочтены. Так или иначе, Шувалов меня уволит. Если узнает – уволит сразу. Если не узнает, то уволит, когда увидит мою машину. Куда ни кинь – всюду клин. И все-таки предложение выглядело разумным. Пешие прогулки полезны. Надо как можно дольше тянуть, чтобы только новый директор не увидел меня на моем автотранспортном средстве. А там – глядишь, что-нибудь изменится. Или ишак сдохнет, или султан!

Была такая древняя притча, как один проходимец поспорил с султаном на сто мешков золота против своей головы, что за двадцать лет научит ишака говорить. А когда его перепуганный ученик спросил, как тот собирается за этот спор отвечать, тот ответил – за двадцать лет либо ишак сдохнет, либо султан. Вот так и у меня. Осталось только выяснить, запомнил ли султан в лицо водителя ишака?

Глава 3

Девочка для битья

Менять явки и пароли, а также путать следы я была не большая мастерица. Я совершенно не умею врать, а если пробую, моментально краснею, бледнею (попеременно) и выдаю все страшные тайны. Я могу поставить себя в самое нелепое положение, если попытаюсь при- врать. Сколько раз так было! Не сосчитать. Поэтому я стараюсь оставаться честной, как тест на беременность, хотя это совершенно не спасает меня от idiotских ситуаций. Можете мне верить, ведь это говорит женщина, которая умудрилась собственного мужа поймать в постели с кассиршей из супермаркета.

Если вдуматься, я все пять лет чувствовала, что замужем за человеком, который вполне способен закадрить кассиршу. И даже не задуматься на минуточку, что это может быть как- то неприятно его жене. Мужчина, который ощущает прилив неземного блаженства, если ему удастся слопать втихаря в «Ашане» шоколадный батончик, – такой мужчина способен на все. Все пять лет нашего брака я старательно закрывала глаза на его недостатки, потому что мне так хотелось кого-то любить. И я бы предпочла любить человека, который изменил мне только после долгих мучительных раздумий, изменил бы из-за большого, сильного чувства, с которым он не смог бы совладать. Но я жила с мужчиной, который изменил мне, потому что хата ока- залась пустой, а кассирша – симпатичной и без запросов. Именно так Кирилл объяснял свой поступок, пока я стояла посреди собственной спальни:

– Пойми, я пытаюсь спасти наш брак!

– Надень штаны, – морщилась я.

– Она ничего для меня не значит. Посмотри на нее, разве ты не видишь – это просто так. – Он развел руками.

Я против воли перевела взгляд на кассиршу. Да, действительно, – она была именно «про- сто так». Даже в этот безобразный момент она жевала жвачку и не без некоторого торжества поглядывала на меня.

– Это-то и плохо, что она – просто так! – крикнула я, прежде чем швырнуть в Кирилла бокалом. Одним из двух хрустальных бокалов, что стояли на столе рядом с коробкой шоко- ладных конфет. Угощение для кассирши.

– Ты психичка! Я нормальный мужик! Надо было позвонить, что придешь раньше! – кричал муж, отбиваясь от меня. Я пыталась вырвать ему волосы. Вообще-то я мирная, белая и пушистая. Вернее, рыжая и пушистая. Но в тот день я очень разозлилась. Прежде всего на саму себя – за то, что действительно не позвонила раньше. И за то, что не хотела замечать рядом человека, живущего исключительно для себя. И я натурально лезла в драку.

В общем, мы тогда «зажгли». Я заехала Кириллу бутылкой из-под их красного вина по голове, он поставил мне фингал, а кассирша убежала из моего дома в одном белье. С тех пор, как я уже говорила, я отовариваюсь в другом магазине, хотя этот по-прежнему стоит прямо под моим домом. Кирилл живет у матери. Кассиршу я иногда вижу, проезжая мимо нашей автобусной остановки. Когда я ее вижу, то радуюсь, что у меня в машине тонированные стекла, хотя из-за этого у меня масса проблем с ГИБДД. Они все время останавливают меня в надежде, что я – лицо кавказской национальности без московской регистрации.

Наш комфортный и удобный для всех пятилетний брак накрылся звездой. Зато теперь я свободна и одинока, сама себе хозяйка. И мне никого не надо предупреждать, что я приеду пораньше домой.

– Надь, ты чего, не слышишь? У тебя телефон надрывается! – ткнула меня в бок Аленка. Я стряхнула воспоминания и оглянулась. На моем столе разрывался от трели рабочий аппарат. Надо же, а ведь задумалась я всего лишь над тем, что машину надо бы переставить на другое

место, чтобы Шувалов Станислав Сергеевич как-то ненароком не наткнулся на нее в гараже. Почему же я опять думала про моего бывшего?

– Алло? Ника? Ты чего мне на работу звонишь? – рассеянно спросила я, услышав в трубке знакомый голос.

– Где твой мобильник? – вопросом на вопрос ответила дочь. Я хотела было сказать ей, что это невежливо, но вспомнила, что забыла мобильник в машине.

– Где ему и положено быть, у меня в сумке. Только он выключен, потому что я работаю. РАБОТАЮ – если ты не расслышала. Деньги зарабатываю.

– Вся ясно, ты забыла его в машине, – хмыкнула Ника.

– Детка, я очень спешила сегодня утром. У нас тут такой кавардак, голова идет кругом. Начальство новое, все на ушах, – принялась оправдываться я. Что я вам говорила насчет вранья. Мое вранье вычисляется на раз!

– У меня сегодня спектакль, ты помнишь? Але! – напомнила о себе Ника.

– Ой, Никочка, да. Конечно, я помню, – заюлила я. Господи, как я могла забыть! И почему, в самом деле, наш новый начальник явился в офис именно в тот день, когда у моей дочери премьера?

– Значит, ты приедешь? – переспросила она.

– Ну, конечно. Я же обещала.

– Вот именно! Я жду тебя в пять около школы! – менторским тоном заявила дочь. Я повесила трубку, посмотрела на часы и в ужасе прикрыла рот рукой. Было около трех часов, обычно мы работали до половины шестого, хотя рабочий день у нас до шести. Однако сегодня надо было стоять до конца.

Прошло всего несколько часов правления Шувалова, а уже имелись раненые и убитые. Убитых было двое. Шувалов умудрился прицельным ударом выбить десять из десяти возможных очков и уволил начальника склада и его заместителя. Все, кто до этого самоуверенно ходил по офису, теперь устали в мониторы и молились. Дело в том, что начальник склада и его подручный казались непотопляемыми, как «Титаник». Однако утонули они быстро и безвозвратно. А ведь до этого они пережили уже несколько проверок со стороны учредителей. Они, как Штирлиц, могли вытворять что угодно, но никому не удавалось поймать их с поличным. Не помогали ни пачки (даже тонны) жалоб со стороны разгневанных клиентов, ни даже введение систем видеонаблюдения в помещении склада и штрих-кодов на накладных. Очереди за коробками стояли по многу часов, оборудование пропадало или странным образом трансформировалось из одной модели в другую, инвентаризация захлебывалась еще на стадии назначения.

И вдруг, не тратя времени на объяснения, новый начальник произвел один точный выстрел в голову, которым сразил обоих. Он просто взял и уволил их безо всякого объяснения причин. Вызвал в свой кабинет, а там, не закрывая двери, чтобы было слышно (и видно) нашему секретарю Лизочке, громко сказал:

– Господа, с завтрашнего дня вы здесь больше не работаете. Можете приступить к ревизии. Подпишите с новым начальником ревизионный лист и можете получить расчет.

– А как же две недели, по закону же... – промямлили те.

– Они тоже будут вам оплачены. Хорошего дня!

И, как рассказывает Лизочка, Шувалов улыбнулся уже бывшему начальнику склада своей фирменной доброй улыбкой. После этого Станислав Сергеевич начал по одному вызывать к себе менеджеров, а у нас в офисе воцарилась напряженная рабочая тишина, нарушаемая только клацаньем клавиатуры.

Аленка напряженно думала о том, как бы ей все-таки уехать в свою Турцию. Ольга Хрюнина обзванивала всех своих клиентов. Она бурно выражала им благодарность за сотрудничество и обещала держать их в курсе всех наших скидочных программ в обмен на маленькую любезность... Таким подхалимским способом ей уже удалось получить четыре рекомендатель-

ных письма, которые она, конечно же, понесет потом предъявлять в «гестапо» – в дирекцию к Шувалову. Я же занималась тем, что реанимировала отчетность, а также витала в облаках и вспоминала свой неудачный брак.

– Вот сучка эта Хрюнина! – завистливо скривилась Аленка. – Всегда вывернется. Как бы мне в отпуск-то попасть? Неужели сторит тур? Такой тур хороший.

– Ален, а мне надо уйти пораньше, – вставила я.

– Нет, только не начинай. Ты что, рехнулась? Пойди тогда и сама заявление об уходе напиши.

– Мне правда очень надо. У моей Ники сегодня премьера. Я не могу не пойти.

– Да? – подняла брови она. – Пойди и отпросись у САМОГО. Заодно мы все посмотрим, что он с тобой сделает!

– Может, отпустит? – пожала плечами я. В конце концов, неужели у него нет сердца? Не так часто у ребенка в театральной студии премьеры. Впрочем, идти и отпрашиваться мне совершенно не хотелось. Вдруг он не знает, что у людей бывают дети. Нет, судя по его виду, он прекрасно знает, по крайней мере, как они делаются. Но мне это вряд ли поможет, тем более что все, кто уже побывал в вышеуказанной пыточной, выходили оттуда задумчивыми и погруженными в себя.

– Епифанцева, зайдите к директору, – сообщила по громкой связи Лизочка.

– Надька, блин, теперь я! – Алена прикусила от напряжения красиво накрашенную губу.

– У тебя все будет хорошо, – заверила ее я. – Только не волнуйся и не комплексуй. Ты ценный сотрудник!

– Да, – она помахала перед собой кулаками, чтобы приободриться, потом ущипнула себя за щеки и скрылась в коридоре.

– Я буду держать за тебя кулаки, – пообещала я. И пыталась сосредоточиться на работе, но глаза сами собой сползли на часы. Время уходило. Если я не приду на ее премьеру, Ника будет очень сильно переживать. Она, конечно, начнет меня успокаивать. Скажет, что это было совершенно неважно. Но я просто не могла, совершенно не могла с ней так поступить.

Алена не задержалась в обществе нового руководителя надолго. Лицо ее, не в пример остальным, задумчивее не стало. Наоборот, глаза метали молнии, она напряженно дышала и была полна энергии.

– Это просто бесчувственная скотина, – прошипела сквозь зубы она, стряхивая со своего рукава невидимую соринку. Лицо ее побагровело, румянца на нем было значительно больше, чем надо.

– Что случилось? – переключилась со своих мыслей я.

– Да, черт возьми, случилось! – Алена схватила сигареты и пошла к туалетам.

Я посеменила за ней.

– Что? Неужели он тебя уволил? – ахнула я.

Алена уселась на край унитаза и прикурила. Сначала она просто выдыхала дым, потом посмотрела на меня.

– Если ты хочешь попасть к Нике на спектакль – у тебя только один путь. Спасаться бегством. Эта скотина тебя никуда не отпустит.

– Да? – окончательно загрустила я.

– Ага. Я ему принесла все отчеты. Показатели у меня хорошие, улыбалась я ему, как родному. А он мне – вы свой отпуск уже отгуляли. Так что приходите за отпуском не раньше чем через три месяца!

– Вот блин, – сочувственно кивнула я. – Не пустил? А ты сказала, что вы тур уже оплатили?

– Я все сказала! Я даже сказала, что прошлый начальник меня клятвенно заверил, что все будет нормально. В конце концов я пообещала, что возьму одну неделю из двух за свой счет. Это вообще как?

– Ну, а он? – заинтересовалась я.

– А он сказал, что если меня в принципе волнует мое место, то я буду улыбаться не ему, а клиентам. Нет, ты представляешь? И так еще ехидно посмотрел на меня, если бы ты только знала! Это не мужик!

– Да, если он не среагировал на тебя, значит он из железа, – согласилась я. На Аленку реагировали всегда и все. Особенно остро это задевало ее мужа.

– Говорю тебе, он голубой. Так что ни о чем не думай, он никуда тебя не отпустит. Это же целый час рабочего времени, иди и займись своими обязанностями! – Она спародировала презрительный, вежливо-холодный тон нового босса.

– Так и сказал?

– Вот именно! – Алена швырнула окурок в унитаз и вышла.

Я осталась в кабинке. Мне надо было обдумать сложившееся положение. На часах было почти четыре. До точки принятия решения оставалось пятьдесят минут. Если меня за эти пятьдесят минут не вызовут – кошмар. Придется сбегать на свой страх и риск.

Ника поступила в театральную студию больше года назад. До этого она последовательно сменила секцию карате, где прозанималась около месяца, пока не получила реальный удар в живот. До карате была изостудия, и в течение полугода все в моем доме было перепачкано гуашью и красками. Перед этим она занималась бальными танцами, ходила на дополнительный английский, пела в школьном хоре... Ника всегда была девочкой активной, но непостоянной. А тут, с этой студией, как с ума сошла. Вот уже год как она не думала больше ни о чем. Только об этих бесконечных репетициях, постановочных занятиях, упражнениях по актерскому мастерству. У них очень хороший режиссер, он же по совместительству учитель музыки.

– Душевнейший кадр! – так отрекомендовала его Ника. И этот спектакль – результат их почти полугодовой работы – поставлен по роману Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту». А Ника, моя краса и гордость, играет там одну из главных ролей – любительницы книг, которую сжигают заживо в собственном доме. Она очень трогательно и пронзительно поет песню, пока вокруг нее бегают статисты в красных балахонах с бахромой и изображают пламя. А потом Ника душераздирающе падает на пол, и ее прямо так, с запрокинутой головой, поднимают на каких-то цепях в небо (в смысле, под потолок). Неужели же я могла такое пропустить? Ни за что!

– Аленка, я решила, я убегу, – твердо заявила я.

– Смотри. Вроде бы он перестал вызывать, слышала? Тишина. Может, Лизу спросить? – предложила Аленка.

– Нет, я в сторону дирекции ни ногой, – я замотала головой. – Будь что будет, а я огородами.

– Ну, удачи, – кивнула Епифанцева и смахнула слезу.

Я ее прекрасно понимала. Что если вы уже мысленно лежите на турецком пляже под ласковыми лучами солнышка, и тут один холеный отмороженный тип заявляет, что вам придется остаться под моросящим московским дождем. И что солнце ваше в лучшем случае находится в ближайшем солярии.

Потихоньку я сгребла все свои пожитки – карандаши-ручки, косметичку и пачку сигарет – в сумку. Тихо, стараясь не дышать, прокралась мимо дирекции и свернула к лифту, и только там смогла немного выдохнуть. Да, думать о том, какие для меня все это будет иметь последствия, совершенно не хотелось. А вдруг никаких? Как было бы хорошо, если бы наш дорогой новенький начальничек устал, решил отдохнуть и больше сегодня никого не мучил. Поехал бы домой пораньше, почитал бы газетку. Сходил бы с любовницей в ресторан, в конце

концов. Зачем допрашивать несчастных менеджеров, чья вина только в том, что им нужна эта (или какая-то подобная) работа, чтобы выжить?

– Как ваша фамилия? – вдруг раздался голос за моей спиной.

От неожиданности я подпрыгнула на месте и резко повернулась. Слишком резко, потому что локтем выбила из рук Станислава Сергеевича (О господи, за что?) какие-то бумаги.

– Я... я... я, – лепетала я, внезапно потеряв дар речи.

Шувалов пристально смотрел на меня, словно пытаюсь что-то вспомнить. Перед моим мысленным взором пронеслась вся утренняя картина и вот это же самое, вполне красивое, между прочим, лицо – только за рулем черного «БМВ».

– Да, вы. Вы ответите или нет? – холодно улынулся он.

Никогда не думала, что улыбка может быть такой пугающей.

– Я Митрофанова Н.В.

– Понятно, – хмыкнул Шувалов. – Митрофанова Н.В., зайдите ко мне.

– Сейчас? – помрачнела я.

– Вас что-то не устраивает? – заинтересовался он, все более внимательно вглядываясь в мое лицо.

– Нет-нет, все в полном порядке. Конечно, я иду. – Я отвернулась и постаралась идти вполоборота от него. Пришлось делать вид, что я смотрю на развешанные по стене картинки и постеры.

– А куда вы, собственно, направлялись? В гараж? – поинтересовался он. В моей голове билась одна-единственная мысль: узнал – не узнал. Узнал – не узнал. Мне бы сейчас ромашечку, чтобы погадать.

– Мне только надо было кое-что положить в машину, – привычно отмазалась я и тут же об этом пожалела. Надо было сказать, что я вообще без машины. Чтобы он ничего не заподозрил. Дура!

– Понятно. – Он внимательно осмотрел мой готовый к старту вид. Сумочка, плащ, зонтик – ведь именно в таком виде ходят на крытую стоянку, чтобы просто «кое-что положить в машину».

Мы зашли в его кабинет, я кое-как стащила с себя плащ и спрятала зонтик за спину, чтобы не отсвечивал. Все было очень плохо, потому что на губах Шувалова блуждала саркастическая улыбка. Вообще, наш новый начальник имел в арсенале массу разного рода улыбок, но ни одна из них не излучала веселья. Все было, как в фильме ужасов, где симпатичный мужчина оказывается маньяком и, ласково улыбаясь, идет на тебя с лопатой наперевес.

– Значит, вы Митрофанова Н.В. И что, ваше Н.В. как-то расшифровывается?

– Надежда Владимировна, – жалобно пискнула я.

– Скажите, Надежда Владимировна, вы имеете намерения работать в нашей компании? – Шувалов сел за свой большой стол и принялся выискивать в пачке «дел» мое.

– Да, конечно, – закивала я. – Конечно.

– Что конечно?

– Что? – мысли мои путались.

– Значит, намерения вы имеете, – сбавил обороты Шувалов.

– Ага.

– У вас много опозданий. Это очень плохо. Недопустимо! – повысил он тон.

Я помолчала, думая о том, что мне уже совсем пора бежать. Потом пробормотала:

– Этого больше не повторится.

– Знаете, сколько раз я это сегодня слышал? – спросил Шувалов.

Я не стала отвечать, резонно полагая, что вопрос риторический.

– Много. И до этого раза тоже много, в других фирмах. И знаете, сколько раз люди действительно брались за ум и переставали опаздывать? – Он подержал паузу. – Ни разу. И поэтому мой опыт мне подсказывает, что вы как опаздывали, так и будете опаздывать.

– Ни в коем разе! – не согласилась я.

– В смысле? То есть, вы хотите сказать, что я ошибаюсь?

– Нет, ну что вы, – сдала я назад. Нить разговора ускользала от меня, как гадюка в траве. Ника небось уже названивает мне на мобильник.

– Ладно, прекратим этот бессмысленный разговор. Давайте так. Я не буду увольнять вас прямо сейчас и дам вам двухнедельный испытательный срок. Если за это время вы проявите себя с лучшей стороны, то останетесь здесь. Если нет...

– То вы меня уволите, – закончила я за него. Волнение охватывало меня все больше.

– Вы куда-то спешите? – нахмурился он.

– Нет, ну что вы! – с преувеличенной убедительностью заверила я его.

Он с некоторым сомнением пожал плечами и кивнул.

– Теперь давайте разберем ваши отчеты. Мне кажется, что и в этом вы недостаточно внимательны. Отчеты делаются не для того, чтобы начальство от вас отстало, а чтобы вы сами могли в любой момент проанализировать поведение и покупательскую активность ваших клиентов. Надо подключать образное мышление...

– Да-да, конечно, – против воли в моем голосе сквозило нетерпение.

– Вы определенно куда-то спешите. Вам, Митрофанова Н.В., видимо, не до моих замечаний. Что ж, не буду задерживать. – Он резко отложил мое «дело» в сторону и зло посмотрел мне прямо в глаза. – Идите.

– Я обязательно все проанализирую, – запаниковала я. – Мне очень нравится работать в этой компании, я сделаю все, чтобы тут остаться. Пожалуйста!

– Что пожалуйста? – нахмурился он.

– Не увольняйте меня, – попросила я. И попыталась обольстительно улыбнуться. Может, хоть это его разжалобит. О том, чтобы ему понравиться, я даже и не мечтала. Если ему не понравилась Аленка, то куда уж...

– Хорошего дня, – коротко отрезал Шувалов и отвернулся.

Чурбан! Все, теперь меня уволят! Я бочком выбралась из его кабинета и побежала к лифту. Слезы лились из глаз, но сейчас я не могла об этом думать. Я из машины позвонила Нике и сказала, что задерживаюсь. На часах было уже почти полшестого, и это самый пробочный час. Хорошо, что я работаю рядом с домом. Иногда даже, чтобы просто протолкаться через МКАД, я трачу до сорока минут. Что бы было, если б я работала в каком-то другом месте?

«Скоро все так и будет. Будешь ездить на работу по три часа, дочь будет заброшена и предоставлена сама себе, а мать тебя со свету сживет. И будет твоя жизнь сера и беспросветна!» Я обиженно поджала губы и подумала, что это так несправедливо! И почему премьера, которая ждала вот уже полгода, не смогла подождать хотя бы один день?!

Я подлетела к школе в седьмом часу и вдобавок ко всему получила обиженный, сердитый взгляд Ники.

– На тебя никогда нельзя положиться.

– Если бы ты только знала, чего мне стоило сюда попасть, – заюлила я.

– Ты всегда так говоришь. – Ника отводила взгляд. Еще бы, ей-то что, она всего лишь подросток. Разве ей до моих проблем?

– Господи, научи меня раздваиваться! – в сердцах вырвалось у меня.

– Это тебе не поможет, – заверила меня дочь. – И вообще, пожалуйста, не забывай больше свой телефон.

– Хорошо, не буду, – кивнула я.

– А то мне тут вместо тебя все мозги проели.

- Кто? – опешила я.
- Кто-кто, дед Пихто. Дядя Кирилл твой, вот кто! – развела руками Ника. – Просил передать тебе, чтоб ты не дурила.
- Сегодня просто такой день, – устало выдохнула я.

Глава 4

«Чтоб вам жить во время перемен... начальства». Страшное офисное проклятие

Как я уже говорила, мужчины всегда приносили мне одни несчастья. Вернее, не совсем так. Мужчины приносили мне самые разные несчастья. Я могла бы уже стать коллекционером всевозможных проблем и сложностей, которые были мне преподнесены вместе с любовью. А иногда и без нее. В общем, если составлять каталог мужских подлянок, то первым пунктом в нем окажется моя дочка Вероника. Хотя теперь мы с ней и живем душа в душу, но когда-то ее появление на свет резко изменило всю мою жизнь. Из беззаботной девицы, влюбленной в радости бытия, я превратилась в прачечно-укачивающий комплекс, обслуживающий младенца. И все это под улюлюканье мамочки:

– Я тебя не просила приносить в подоле, теперь сама и расхлебывай. Я сидеть с ребенком не буду, и так всю жизнь из-за вас угробила! – Это она о нас с папой.

Мама всегда считала, что, если бы не мы с отцом, она стала бы выдающейся личностью. Например, великим художником. К слову, она действительно всегда неплохо рисовала, но... но это же не означает, что мы сломали ей жизнь.

– Вы отняли у меня лучшие годы! – восклицала мама, в то время как я укачивала Нику. Мама не переносила шума. Впрочем, мама много чего не переносила. На стирку и уборку у нее была аллергия, от общения с папой у нее начиналась мигрень, от детского плача поднималось давление. Самым невыносимым был, конечно, мой несостоявшийся муж Леня. Собственно, он у нас и не задержался. Однако и это не помогло. Когда Нике исполнилось пять лет, мама с папой развелись. Видимо, у мамы началась аллергия на личную жизнь. Почти сразу после развода мы разъехались.

– Наконец-то я смогу пожить по-человечески! – говорила мама, переселяясь в Северное Бутово. Тот факт, что мы с папой и Никой втроем будем жить в квартире, меньшей по площади, чем та, что досталась ей, ее совершенно не смущал. Она так «настрадалась», пока была женой и матерью, что это было самым меньшим, что мы с папой могли для нее сделать.

– Ничего, дочь, мы с тобой не должны обижаться на маму. Она человек с тонкой психикой, – успокаивал меня папа.

– Ага, – возмущалась я. – А где тонко, там и рвется.

– Не надо так, – огорчился он. – Она же все-таки твоя мать.

– Климакс меняет людей до неузнаваемости, – злилась я, но перечить мамочке не пыталась.

Так, по мановению волшебной палочки, мы с папой и Никой оказались в Южном Бутове, где выходные проходили без аккомпанемента в виде маминого крика. Это было здорово. Минусы отошли на второй план. Подумаешь, полчаса до метро. Зато, пока был жив папа, дома было уютно и тепло. А потом... Потом подросла Ника и как-то неожиданно стала центром нашего маленького мира. Или, вернее, его главой. Характером она пошла в дедушку. Такая же спокойная и терпеливая. Так что можно сказать, что от первого моего «прокола» мне в итоге была одна только польза. Леня действительно почти не оставил после себя плохих воспоминаний.

После Лени был Сергей, это еще до переезда. Мы познакомились на Таганской площади, он был весел и нетрезв и приглашал всех девушек, проходящих мимо, пойти с ним вместе в Театр на Таганке. У него каким-то образом завалился лишний билетик. То ли друг должен был пойти, но не пошел, то ли еще что. Я согласилась. А что? Мне было страшно одиноко, а другие девушки в испуге мотали головами и убегали в сторону метро. Если это и была любовь, то

какая-то «небольшая». Сергей звонил мне редко, как правило, если был выпивши. Он любил ходить в ночные клубы, «клубиться». И, как мне теперь кажется, брал с собой меня, если не было никакой другой кандидатуры. Я же, измотанная метанием между детским садиком, продуктовым магазином и секретарской работой в какой-то маловыразительной фирмочке, была готова на все ради веселого вечера. Я его почти не запомнила, а через пару месяцев он как-то сам собой сошел на нет, оставив после себя неопасное, но неприятное венерическое заболевание. В мой каталог проблем он вошел с индексом 0,03. Мелковато.

Дальше был Коля, который был женат и все время дергался из-за возможного конспиративного провала. Он настолько много говорил о жене, что становилось неприятно.

– Она совсем меня не понимает. Не ценит своего счастья.

– Да, конечно. Ты замечательный. Посмотри, тебе нравится моя прическа?

– У нее один интерес – трепаться со своими подругами. А подруги эти все ее поголовно ненавидят, потому что она замужем.

– Прическа-то как, а?

– Почему она может часами выслушивать этот бред про самопознание, но не выносит новостей? Нам с ней не о чем говорить!

– Слушай, может, тебе обратиться к психологу? – однажды не выдержала и предложила я.

Коля с таким удивлением посмотрел на меня, словно только что обнаружил, что я тут, рядом, лежу и чего-то жду. Он был помешан на жене. На ее вздорном характере, на ее манере воспитывать их детей, на ее требовательности... и еще на тысяче других ее особенностей, что я всерьез начала подозревать, что он ее любит. А что же тогда он делал рядом со мной? Скажу вам честно, что бы это ни было, к любви это тоже не имело никакого отношения. Скорее эдакий психотерапевтический обоюдный обмен. Совместный поход в ресторан. Или просто пара комплиментов, брошенных друг другу.

Я понимала, что все это – полный бред, но радовалась, что есть хоть что-то. Наши отношения прекратились сами собой, когда я переехала. Моих женских чар оказалось недостаточно, чтобы мой женатый герой преодолевал ради них расстояние между Таганкой и Южным Бутовым. В моем каталоге Коля значится как «роман, за который мне мучительно стыдно».

После Коли были Миша и еще один Сергей, и еще кто-то, кого я плохо помню. Они не были плохи или хороши, они просто пролетали мимо меня, оставляя чувство мучительной пустоты, похожее на похмелье. В общем-то, это был просто секс. Эдакий полуфабрикат любви, который я размораживала время от времени, потому что не было ни сил, ни желания готовить что-то более вкусное. Пока они были, вроде все шло не так плохо, но когда отношения заканчивались, не становилось даже грустно. Так, чуть-чуть жаль потраченного времени, и все.

Это понимали все – и они, и я. И даже папа, который только вздыхал и гладил меня по голове. Когда он умер, я была так потрясена, что долгое время вообще не хотела больше никого видеть. Папа был моим якорем, он держал меня на земле, не давая катиться по миру былинкой. И вдруг я поняла, что осталась совсем одна. И эти Миши, Сережи, Паши, Саши – я вдруг захотела, чтобы это прекратилось навсегда. Я искала Настоящей Любви, но сделать красивую птицу из обычного таракана у меня так и не получилось. Наверное, не хватило усидчивости. После смерти папы я была очень одинока.

А потом случился Кирилл. То есть до него были и еще мужчины, с которыми я встречалась случайно, одноразово. Мы сталкивались и разлетались, как атомы. Мы не имели друг к другу никакого отношения, но сходились, чтобы убедиться в этом наверняка. Целовались на офисных вечеринках, а потом ругались на совещаниях. Обнимались в курилке, выпив на Новый год, чтобы потом, на Старый Новый год, не встречаться друг с другом взглядами. Все это было очень странно. Как в неправильной сказке, где сильно удивленный Колобок дожевывает Лису.

И вот появился Кирилл. Спокойный, уверенный в себе, приземленный. Мужчина без каких-то несбыточных желаний, без амбиций. Охранник из нового торгового центра, работа по двенадцать часов два через два. Никакой романтики, все очень прозаично. Зарплата чуть меньше моей, рациональность в три раза больше. В общем, и дело-то все было не в любви. Просто впервые за почти десять лет, что я родила Нику, я услышала заветные слова: «Выходи за меня замуж». И что я должна была делать? Сказать, что я жду неземной любви? Что мне нужен ресторан, теплый рассеянный свет, цветы и взгляд, полный любви? Что я хочу при всем честном народе получить красивое кольцо в бархатной коробочке и под умиленные взгляды публики громко сказать «да»?

Все получилось иначе. Кирюша лежал на нашем диване, смотрел какой-то матч, потягивая «Балтику-7», а я сидела рядом и гладила вещи. Мы встречались около полугода, но по нас можно было сказать, что мы уже женаты, причем лет десять. Так вот, он поставил бутылку на журнальный столик, потянулся, улыбнулся, притянул меня к себе и промурлыкал:

– Хочешь, давай поженимся?

– Что? – удивилась я.

– Ну, если хочешь, давай устроим свадьбу. Ты мне нравишься и все такое... – прибавил он, как бы спохватившись.

Я пожала плечами и кивнула. В конце концов, за последние десять лет я услышала это впервые. Естественно, мы поженились. И наша семья была вполне крепкой. До моего визита домой в неурочное время. В моем каталоге Кира значится с индексом 100 баллов и пометкой «самый сильный удар по самолюбию». Сначала я подумала, что он разбил мне сердце, но нет. Только задел самолюбие.

Конечно, подобный каталог есть у любой женщины за тридцать. Ничего эксклюзивного, на основе чего можно было бы снять красивый фильм. Или хотя бы умилительный сериал. Как-то так получается, что те мужчины, которые мне попадались, не тянули на то, чтобы разбить мне сердце. Каждый раз, видит бог, я пыталась влюбиться по полной. И поверить, что вот, наконец, оно – Большое и Светлое. Но ни один Гадкий Утенок не превратился в Белого Лебедя. Я каждый раз получала Большую Гадкую Утку. Особенно большой и особенно гадкой уткой был, естественно, Кирилл.

– Все мужики – козлы! – записала я в своем каталоге после того, как развелась. И наконец успокоилась. Что дергаться, если все равно все будет плохо? Вот только одиночество, с ним справляться было тяжелее. Когда кто-то рядом, даже если этот кто-то в чем-то плох, это все же лучше, чем ничего. Одиночество – это очень трудно. Со временем это всем становится понятно.

Всю неделю мой телефон трясло от звонков Кирилла. В силу основательности своего характера он привык обязательно добиваться поставленных целей, особенно если они были полезны ему, любимому. А Кирилл решил, что возвращение ко мне – это очень полезно для его здоровья. И материального благополучия.

– Послушай, сколько можно звонить? Если тебе не с кем поговорить, поговори со своей мамой. Она тебя выслушает и пожалеет. Но при чем тут я? – кричала я. Я не могла выключать телефон, потому что мне по нему звонили клиенты.

– Надь, не надо строить из себя стерву, тебе не идет, – примирительно бормотал Кирилл. Он был уверен, что я просто «ломаюсь».

– Послушай, мне надо работать.

– Может, я тебе вечером перезвоню?

– Нет. Ты можешь мне вообще не звонить? – умоляла я.

– Не дури. Я же сказал – я решил вернуться. И ты сама этого хочешь, я уверен.

– Да пошел ты! – Я снова, в который раз, нажала отбой.

Интересно, сколько он еще выдержит? Или я. Может, мне действительно на роду написано жить с подобным мужчиной, для которого искренняя любовь не имеет значения? Может, принять все как есть? В конце концов, надо думать не только о дурацких чувствах, меня не сегодня завтра могут уволить. Мне нужна какая-то поддержка, опора.

– Что, опять бывший? – поинтересовалась Алена, на секунду подкравшись к моему столу. Вот уже неделя, как мы пахали практически без остановки и разговаривали друг с другом исключительно украдкой. Что говорить, за неделю царствования Снежного Короля (Шувалова С.С.) дисциплина улучшилась вчетверо. Для начала, во вторник он уволил одного нашего менеджера только за то, что тот не перезвонил какому-то клиенту. Вот именно, только за это! Он подошел, вызвал его в центр нашей перегородженной столами залы и громко спросил:

– Вы помните такую фамилию: Светлов?

– Ну... в принципе... – промямлил менеджер.

– Он ждал вашего звонка весь вчерашний день. Ему нужны были номера моделей копиров! – Красивое, резко очерченное лицо Шувалова не выражало никаких эмоций, так ученый смотрит на подопытных кроликов.

– Я не нашел их, – попытался отбиться менеджер. – У нас нет этого товара.

– Внимание, все! – хлопнул в ладоши Шувалов. – Объясните коллеге, что нужно делать, если товара, который нужен клиенту, нет.

Сначала была тишина. Никто не дурак лезть в пекло. Мало ли, ответишь не так или просто высунешься, а потом тебя же и обвинят. Инициатива наказуема. Тогда он, Станислав Сергеевич, улыбнулся одними губами, сверкнул своими ледяными голубыми глазами и продолжил:

– Кто ответит правильно, сможет взять день отгула.

– Серьезно? – зашевелился народ. Я же на слово «отгул» реагирую моментально, поэтому выперлась вперед:

– Надо перезвонить и предложить аналоги других фирм. Или порекомендовать обратиться к производителю.

– Как ваша фамилия? – прищурился Шувалов.

– Митрофанова, – гораздо тише пискнула я.

Взгляд его вдруг стал нехорошим. Внимательным, задумчивым.

– Вы так хотите отгул? Вы уже, кажется, погуляли в начале недели, – медленно произнес он. – Не нагулялись?

– Я... просто...

– Хорошо. Достаточно, не надо пояснений. Ответ ваш меня устраивает, но отгула я вам не дам. Просто ваш самовольный уход в понедельник не будет иметь для вас последствий. На этот раз. – У него был низкий голос, от которого по коже бежали мурашки.

– Спасибо, – кивнула я, чертыхнулась и в очередной раз поклялась себе никуда никогда не лезть.

– А вы, дорогой мой господин, уволены, – заявил вдруг Шувалов, посмотрев снова в сторону провинившегося менеджера. Чем, естественно, поверг всех в панику. Если у нас теперь увольняют за такое, то у всех нас сомнительные перспективы. Народ побледнел.

– Но как же так? – растерянно оглянулся менеджер. В принципе, он действительно никогда не был хорошим менеджером. Скорее он был из тех, кто высиживает положенные часы и ворует клиентов. Но все мы не без греха. По лицам сотрудников пробежала тень сочувствия.

Шувалов улыбнулся своей ледяной улыбкой и сказал сакраментальное:

– Хорошего дня! – И отбыл в директорскую.

После этого, как вы понимаете, желание бегать на перекуры, так же как и бездельничать, сидеть в Интернете и вообще тянуть кота за хвост, у всех поуменьшилось. Всю неделю мы ходили на цыпочках и облизывали клиентов так, что те оглядывались в поисках скрытой камеры. Все было похоже на сон, готовый оборваться на самом интересном месте.

А сегодня, в пятницу, день начался с того, что весь наш он-лайн был поставлен на контроль. Еще утром к нам в отдел пришел трезвый (!!!) и бледный системный администратор. Он немного помялся, но потом откашлялся и сказал, что по велению высокого начальства имеет всем нам сообщить «один очень нехороший новость».

– Теперь, чтоб вы знали, я буду выборочно, по требованию Шувалова, – тут сисадмин поднял глаза к небу (в виде подвесного потолка), – распечатывать все страницы Интернета, куда вы заходите.

– В смысле?

– В смысле, не лазьте больше на порносайты, – зло огрызнулся он.

Видно было, что ему самому не нравился подобный расклад. Потому что порносайты – любимое место программистов. И вообще, если начальство увидит, куда мы лазим, то лучше, чтобы у нас немедленно прошла мощнейшая вирусная атака, которая бы уничтожила все данные. Но как же нам, цивилизованным служащим с современными способами работы, обходиться без Интернета? Это же каменный век! Так теперь никто не работает! Как же теперь сайты с гороскопами, как же «аська»? А ленты новостей и анекдотов? А сайты знакомств? А одноклассники, наконец?

– Вечер перестает быть томным, – присвистнул кто-то. – И чем нам заниматься?

– Работать! – развел руками сисадмин. И ушел, понурившись.

Работать мы не любили. Обходиться без Интернета было все равно что жить без солнечного света. Офис еле выстаивал. Кто-то начал поговаривать, что в таких условиях он работать не может. Кто-то рыдал и клялся, что не останется. Кто-то молча принялся рассылать резюме, но все это не помогало. По ряду причин. Во-первых, наша фирма – чуть ли не единственная, где были и хорошая, твердая зарплата, и процент от продаж. Во-вторых, этот процент был очень-очень хорошим и большим, потому что фирма наша торговала оборудованием, растаможенным влევую, за откаты. Оборудование было дешевым, а клиенты счастливыми и склонными к опту. В-третьих, и это лично для меня стало самым неоспоримым плюсом, – наша фирма располагалась практически рядом с моим домом, Никиной школой и маминой квартирой.

Моя жизнь – это круговорот из школы, дополнительных уроков, домашних заданий и т. д. и т. п. Плюс кружки-секции, плюс магазины – я просто не успевала бы добираться до другой работы. Я и сюда-то часто опаздывала. Раньше. До Шувалова. Так что такое место потерять мне совершенно не улыбалось. Как и всем остальным. Поэтому и ломка без информационной иглы у меня проходила легче, чем у других. Мы теперь развлекались тем, что обсуждали моего бывшего. Украдкой, без отрыва от производства. Тем более что он повадился звонить мне в самые неподходящие моменты.

– И чего ему надо? Ты говорила, чтоб он больше не звонил? – шептала Алена, делая вид, что у моего стола она читает какие-то бумаги.

– Сто раз!

– А он?

– Требуется, чтоб я перестала дурить, – сообщила я, продолжая в это время печатать. Хорошо, что мы женщины. Умеем делать несколько дел сразу.

– В чем-то он, безусловно, прав, – хмыкнула Алена. – Ты что, все ждешь настоящей любви?

– Ничего я не жду.

– Тогда твой Кирилл – не самый плохой вариант, – причмокнула она.

Хорошо ей говорить, она замужем за человеком, который сдувает с нее пылинки.

– Я все понимаю, но больше не могу слышать его голос. Уеду на выходные на дачу, там у меня телефон не ловит.

– Умно, но это временная мера. Проблему надо решать. Может, ты действительно дуришь?

– Я не дурю. Давай сменим тему, – обиделась я.

– Как скажешь, – пожала она плечами. – Слушай, ты все еще прячешь свою машину?

– А как же, – ухмыльнулась я. Всю неделю я приезжала на работу на полчаса раньше, оставляла машину за пару домов от нас и приходила пешком. Это было непросто и очень неудобно, но я решила дождаться, пока волна увольнений схлынет. Я надеялась, что если не буду попадаться начальству на глаза, оно, глядишь, меня забудет. Хотя похоже, что он всеведущ и вездесущ.

– Он, как око Саурана, за всеми смотрит! – согласилась со мной Алена.

– Может, у него тут шпионы?

– Думаешь, он Хрюнину завербовал? – насторожилась Алена.

Мы аккуратно обернулись и посмотрели на Ольгу. Спокойное лицо выражало полную гармонию.

– Это не исключено, – кивнула я. – Она за прибавку к зарплате всех нас сдаст.

– О чем это вы? – вынырнула из-за монитора хрюнинская голова. – Опять дурью маетесь?

– И почему это все считают, что я дурью маюсь? – всплеснула я руками. Алена фыркнула и ушла на свое место. А у меня как раз зазвонил телефон, и я принялась общаться с клиентом, жаждущим купить кучу какой-то ерунды. Мыши, материнские платы, память, шнуры, адаптеры – я погрузилась в пучину наименований, сортировки, фильтров базы и забыла обо всем. Клиент был невыносим, но у меня уже давно установилась система собственной безопасности, при которой я могу долго и очень подробно разговаривать с человеком, при этом совершенно ни о чем не думая. На автопилоте, так сказать.

– Ну, ты монстр! – всегда говорила Алена. – Я бы его уже сто раз послала. Как ты не взорвешься?

– Я не чиркаю спичкой, – отмахивалась я.

Вот и сегодня был именно такой случай. Клиент долго составлял со мной список, мы перезванивали друг другу несколько раз. Потом мы выписывали счет, пересылали его по Интернету, уточняли, что каких цветов. И всему этому не было конца-края. Уже и Алена мне помахала рукой, и даже Хрюнина стала собирать свои пороссячи пожитки, а я все сидела, погруженная в мир цифр. Крупный заказ – всегда хорошо, а сейчас мне особенно нужны баллы.

– Не заработайся! – ехидно шепнула Хрюнина и отчалила.

Я нервно посмотрела на часы. Вот попала, и что только этому клиенту надо? В пятницу вечером?! Доколе?!

– Давайте я вышлю вам ссылки на фотографии вашего оборудования, – уже не зная, что предложить, сказала я.

Клиент задумался.

– А вы работаете в кредит? – выдал наконец он.

Я сжала зубы.

– Это возможно, если бы вы были нашим постоянным клиентом. Для этого нужно иметь годовой оборот не меньше ста тысяч долларов. Тогда вам может быть открыта кредитная линия.

– А, понятно, – разочарованно протянул клиент. – Тогда я не могу с вами сейчас работать. У меня деньги будут только через два месяца.

– Это проблема, – согласилась я. Конечно, в глубине души я озверела. Я потратила на него полдня, задержалась на работе, составила огромный заказ, чтобы узнать, что у клиента нет денег. Ну не свинство ли это? И почему всегда такие козлы достаются мне, а не, скажем, Хрюниной?

– Тогда что же делать? – наивно переспросил клиент.

Я еле сдержалась, чтобы его не послать.

– Вы запишите мои телефоны. Перезвоните, когда надумаете. Я не буду удалять ваш заказ, чтобы нам его еще раз потом не переделывать. Так вас устроит? – выдавила из себя я. Автоматизм – удобная вещь, а я и вправду напоминала себе автоответчик.

День подошел к концу, и, если не считать дурацкого клиента, прошел он неплохо. Да, я не смогла поболтать с виртуальными подружками по «аське». Но зато и с Шуваловым ни разу не встретилась.

Я выключила компьютер, сунула телефон в карман и схватила сумку. В офисе уже было почти пусто. Где-то в утробе серверной страдал в разлуке с грудастыми интернет-красотками сисадмин. Остальные уже ушли. Легкой походкой я направилась к выходу, как вдруг, проходя мимо дирекции, увидела открытую дверь в большую переговорную. Там, в глубине директорских покоев, раздавалось какое-то шуршание.

«Черт, неужели он еще здесь?» – дернулась я и на всякий случай дальше пошла на цыпочках.

Тут дверь в дирекции хлопнула и послышались чьи-то шаги.

Я похолодела. Откровенно говоря, Шувалов каждый раз вызывал у меня оторопь и частичный паралич нижних конечностей. Что-то было в нем такое, от чего хотелось сразу падать и молить о пощаде. Не дожидаясь, пока тебе отрубят голову. Чувствовалась в нем какая-то чужеродная, непривычная сила.

– Что же делать? – одними губами прошептала я и беспомощно оглянулась.

Буквально в пяти шагах от меня, за стеной послышался звон ключей. Значит, он выходит. Тогда получается, что мы сейчас с ним столкнемся. Снова? Один на один? Ну уж нет! Я категорически не была готова снова услышать это его зверское: «Хорошего дня!» Поэтому я в полсекунды подскочила к нашему общему встроенному шкафу в коридоре, заскочила в него и осторожно прикрыла дверь-купе. Всего-то делов, подождать, пока директор уедет на лифте. Что может быть проще? Я застыла и постаралась не дышать. Снова раздался шаг, потом скрип двери.

«Это он запирает переговорную», – отметила про себя я. Снова три шага, потом пауза и звук стартовавшего лифта. Все не так плохо! Главное, запоздало подумала я, чтобы его плащ (или что там он носит) не висел в нашем шкафу-купе. Но вроде бы пронесло. Наверное, он вообще ничего не носит, переходя из подземного гаража своего respectable дома в «БМВ» и обратно, на нашу крытую парковку. У таких людей времена года сменяются незаметно.

Шувалов потоптался и чем-то прошуршал около лифта. На бумаги не похоже, какой-то другой звук. Хрен с ним, лишь бы уехал и дал мне спокойно отбыть на дачу. Но вдруг... вместо того чтобы просто сесть в лифт и отчалить в свою прекрасную мужскую жизнь, Шувалов остановился и сказал:

– Сколько я тебя просил не звонить мне на работу!

«Что?» – беззвучно возопила я. Меня чуть инфаркт не хватил, прежде чем я поняла, что это он не мне. Что это он говорит по телефону. Наверное, звонит кому-то.

– Я не могу отвлекаться, у меня нет перерывов. Что еще ты хочешь? – продолжал он. Помолчал, видимо, слушая ответ. Потом резко и недовольно ответил: – Он уже не ребенок и должен отвечать за свои поступки. Что? Ты считаешь, что я во всем виноват? Знаешь, я не буду с тобой этого обсуждать. Ты ни разу в жизни не проверила у него уроки!

«О господи!» – напряглась я. Не хватало мне подслушивать директорские разговоры.

– Это не мои проблемы. Я не знаю, что ты себе там придумала, но тебе придется остановиться. Сколько можно? Я что тебе, банкомат? Раньше надо было думать! Все... А я сказал – все! – Тут он, судя по звуку, дал отбой и швырнул трубку в сумку.

Я немножко выдохнула. Снова раздался звук лифта и опять какое-то шуршание. Затем Шувалов воскликнул:

– И почему они такие стервы? – Снова непонятный звук.

Я держала кулаки и про себя повторяла: уезжай, ну, пожалуйста, уезжай. Просто садись в лифт и проваливай. Словно ответ на мои молитвы, раздался шум дверей. Лифт открылся. От облегчения я даже глаза закрыла, но тут... мой телефон, мой мобильный телефон, о котором я совсем забыла, зазвонил прямо у меня в кармане. Я растерялась. Шувалов стоял в двух шагах от меня, наверное, он был уже в лифте. Наверное, мне не надо было ничего предпринимать. Но я в истерике попыталась достать и отключить телефон. Локтем я задела дверь и свалила чье-то пальто. Раздался грохот падающей вешалки. И еще раньше, чем мой телефон замолчал, дверь шкафа открылась. На меня в полнейшем изумлении смотрел господин Шувалов, а я только щурилась и пыталась натянуть на лицо подходящую случаю улыбку.

Глава 5

Лучший способ сбросить стресс

Прежде всего хочу отметить, что всю свою жизнь я имела проблемы из-за диссонанса между желаемым и действительным. Как я всегда мечтала взять в руки весла и направить лодку моей жизни в нужное мне русло! В конце концов, я не была глупа или ленива. И многое знала и умела. Но всемогущие обстоятельства толкали меня в другие стороны. Или крутили мою лодку против оси, а если вдруг кручение на секунду останавливалось, я понимала, что стою все в той же скучной тихой заводи. Даже не двинулась, даже не вышла на старт. Я бы очень хотела быть независимой. Вечно занятой, красивой и одинокой, но не потому, что не имею выбора, а потому, что не имею времени. Я бы парила над землей, гордая и недоступная. Независимая, и потому сама создавала бы правила игры. Возможно, я бы тоже научилась говорить ледяным тоном: «Хорошего всем дня». И народ бы разбежался в панике по рабочим местам. Я ворочала бы миллионами, кружила бы головы олигархам... если бы не одно «но» – я мать, перебивающаяся с овсянки на обезжиренный творожок в ожидании зарплаты. Я кругом зависима и ничего не решаю. Мое мнение важно только при выборе стирального порошка. И то, как правило, Ника пишет мне на бумажке, что именно купить. И отдает со словами:

– Смотри ничего не перепутай!

Все уверены, что я почти ни на что не способна. Но кто знает, что бы из меня вышло, если бы... если бы я была не я. В общем, бессмысленно жаловаться на судьбу, если не планируешь ничего в ней менять. Я не планировала. Моя главная мечта была, чтобы все оставалось так, как есть. Именно ради этой мечты я, в конце концов, и залезла в наш офисный шкаф-купе, хоть и, согласна, это был дикий поступок. Просто не было у меня времени подумать. А что делает женщина, когда у нее нет времени подумать? Правильно! Совершает глупость. Я думала крайне редко и именно поэтому теперь пялилась на господина Шувалова, который стоял, раскрыв рот, и смотрел на меня в крайнем изумлении. В одной руке у него был телефон и фантик от конфеты, а в другой руке, собственно, сама конфета. Вот, значит, чем он шуршал. Кто бы мог подумать, что он любит сладкое. Мне казалось, что он питается только кровью своих жертв!

– Вы ответите на звонок или нет? – любезно спросил он, так и не отрывая от меня взгляда, который плавно трансформировался в насмешливый. Я попыталась сбросить оцепенение, но руки были словно каменными. А телефон в моем кармане действительно все еще звонил.

– С-сейчас, – судорожно кивнула я и нащупала аппарат.

Я поднесла телефон к уху не глядя, продолжая зачарованно смотреть на начальство, словно я и вправду была кроликом перед удавом. Шувалов не отходил и с любопытством сканировал меня, дожевывая шоколадную конфетку.

– Вы будете говорить?

– А? Да, – я сглотнула слюну. – Алле?

– Надька, ты чего трубку не берешь? – В трубке раздался невыносимо громкий голос моего бывшего.

Я поморщилась и отодвинула телефон.

– Я не могу сейчас, – сдавленно пискнула я.

– Что? Почему? – возмутился он. – Это детский сад какой-то. Что там у тебя происходит?

– Я на работе.

– Рабочий день окончен. Ты не должна работать сверхурочно, – назидательно пророкотал Кирилл.

Я сжала зубы. Вот сволочь! Если можно мне испортить жизнь, это, безусловно, сделает Кирюшка. Или мама. Только один из этих двоих мог позвонить, когда я пряталась от директора в шкаф.

– Не звони мне больше, – в который раз выпалила я, расплавляясь под презрительным взглядом Шувалова. И отключила связь. В холле воцарилась тишина.

Я стояла в глубине шкафа и думала, что так идиотски я выгляжу, пожалуй, впервые. Нет, когда я застала дома мужа с этой белобрысой кассиршей, я тоже выглядела не фонтан. Особенно когда с шипением пыталась вцепиться ей в волосы. Но, согласитесь, это все-таки бытовая сцена. С кем не бывает и все такое. А тут...

– Вы поговорили? – ласково спросил Шувалов.

– Да, спасибо, – ответила я.

– Теперь не соблаговолите ли вы пройти в мой кабинет? – продолжил ворковать он.

У меня все упало. Надо же, столько стараний, и все напрасно. Я все-таки вылечу на улицу без выходного пособия. Может, меня даже обвинят в шпионаже! Я подслушивала директорские разговоры. Я сидела в шкафу! Представляю лицо Хрюниной, когда она об этом узнает.

– Всегда знала, что Митрофанова плохо кончит, – скажет она. – Не зря я все файлы держу под паролками.

Я прошла в большую переговорную, а из нее повернула прямо в святая святых – в директорский кабинет. За все время моей работы я была здесь впервые.

– Так, значит, вы предпочитаете одеваться прямо в шкафу? – усмехнулся Станислав Сергеевич.

Господи, я не могу спокойно смотреть, даже когда он просто проходит мимо. Тут же у меня началась аритмия и учащение дыхания. Кажется, я скоро грохнусь в обморок.

– Нет-нет, вы все не так поняли, – робко возразила я, но ему, видимо, моего ответа не требовалось.

– Знаете, я ведь долго не мог решить, что с вами делать, Митрофанова. Есть определенные поводы оставить вас на работе. Ваша характеристика вроде бы нейтральна, но то, что вы творите, выше всяких аргументов. Это уму непостижимо! Вы пропускаете мимо ушей все, что вам говорит начальство, вы сбегаєте с работы за два часа до конца рабочего дня...

– За полтора, – аккуратно внесла я справедливое замечание.

Шувалов побледнел. Блин, лучше бы я молчала. Идиотка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.